

Сочиненія

Вас. Ив. Немировича-Данч.

Великая Рѣка

Картки изъ жизни и природы на Волгѣ

А 30306

PI

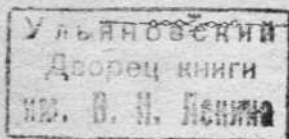
450

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

Великая рѣка

(Картины изъ жизни и природы на Волгѣ).

- 1—Жизнь до развала. 2—Рѣка легендъ. 3—Жигулями к Столбицамъ.
4—По пути въ Золотую Орду. 5—Царство бѣшенки и волы.
6—Путевыя встрѣчи.

С.-Петербургъ

Издание Л. Л. Сойкина

Книжный Складъ { Книжный Магазинъ
Стремянная, 12 { Невскій, 96

ЖИГУЛЯМИ И СТОЛБИЩАМИ.

I.

Симбирскъ.—Ипороческая Волга.

На кругломъ берегу Волги показались бѣлые силуэты нѣсколькихъ каменныхъ зданій и какая-то изящная башня. Все это на высотѣ воздушной. Точно надъ горою виситъ. Снизу, кажется, и добраться трудно.

— Повдате въ Симбирскъ?

— Радъ бы, да пароходъ уйдетъ!

Такъ мы и остались на палубѣ. Петропавловскій шоссейный спускъ на четыре версты тянется въ гору! Когда еще поспѣешь.

Впрочемъ, въ Симбирскѣ очень мало интереснаго. Памятникъ Карамзину, да карамзинская библіотека—и только. Да и памятникъ весьма неудачный. Муза исторіи Клю, опираясь на скрижаль, держитъ въ рукахъ трубу, а внизу барельефы съ изображеніемъ нѣсколькихъ фигуръ, только что, повидимому, вышедшихъ изъ бани и потому обернутыхъ простынями. По толкованію народа, монументъ поставленъ какой-то волжской разбойницѣ, «спокаявшейся» и завоевавшей новое царство, престолъ отечеству. Кто пограмотилъ, тотъ убѣжденъ, что на пьедесталѣ поставлена дочь Карамзина. Самый Симбирскъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ дворянскимъ городомъ, причемъ мѣстная аристократія безвыѣздно проживала въ немъ, благодаря отсутствію рельсовыхъ путей. Въ остальныхъ помѣ-

щичьихъ губерніяхъ, болѣе близкихъ къ Петербургу, крупныя землевладѣльцы жили въ столицѣ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, тоже случилось и съ Симбирскомъ. Теперь онъ почти обезлюдѣлъ. Многіе дома пустуютъ, и нѣкогда шумная жизнь вошла въ будничныя рамки провинціальной среды. Еще старики помѣщики кое-какъ держатся. Молодежь же вся или промоталась, или проматывается внѣ своей губерніи, и крупныя имѣнія зачастую начинаютъ переходить въ руки купцовъ, а отдѣльными участками и къ крестьянамъ.

Отсюда Волга замѣтно ширится. Горы выше и лѣсистѣе. Села уже не на юру, а въ лощинахъ хоронятся, словно отъ чужого глаза. Чуть отойдешь отъ берега подальше — пустыня. Между деревнями громадныя разстоянія. Десятки верстѣ бѣжить пароходъ вдоль крутого берега, не встрѣчая соломенной кровли русскаго хлѣбопашца. Дичь и глушь. Налѣво стѣни тянутся безъ конца, безъ края. Ни стройнаго силуэта бѣлой колокольни, ни старинныхъ облупившихся стѣнъ монастыря. Пусты и безжизненны окрестности, сурово хмурятся высокія горы, раздвигаясь все шире и шире передъ рвущоюся на просторъ Волгою... И чувствуется уже, что здѣсь чужая сторона, куда мы зашли колонистами и съ которою еще не сжились, какъ слѣдуетъ... Идутъ отсюда гнѣзда да поселки инородцевъ другой языкъ, иные нравы и обличье чужое!..

Зато Волга еще красивѣе, еще раздольнѣе. До Жигулей далеко, но они уже чувствуются. Привольнѣе ложатся разливы рѣки, смѣлѣе ея излучины въ крутоярахъ. Вонъ и мѣловыя горы направо пошли, сверкаютъ на солнцѣ яркою бѣлизною скалъ, только сверху полуприкрытыя зеленью. Да и зелень какая-то сѣрая, непривѣтная... Кое-гдѣ горы срѣзаны горизонтально. Зелени пока еще мало и въ логахъ. Точно природа нарочно обрекла бесплодію эту мѣловую пустыню, чтобъ тѣмъ рѣзче, эффектнѣе неожиданнѣе былъ переходъ къ молчаливымъ лѣсамъ Жигулей... Жалкія и бѣдныя постройки сползли къ самому берегу, одинокая церковь на юру...

— Что это.

— Сengiлей!

Какъ должно быть скучно въ этихъ гнѣздахъ провинціальной тоски и безсодержательности. Поворотъ парохода, и послѣднія полуразвалившіеся избышки татарскаго города спрятались за скалы, и снова пустынная ширь рѣки...

На палубѣ ораторствуетъ батюшка. Лицо красное, шляпа съѣхала на затылокъ. Борода треплется во все стороны. Зато толщина внушительная и голосъ увѣренный, даже повелительный.

— Моего гуся пожралъ! — укоряетъ онъ мужиченку. — А еще духовный сынъ, такъ-то ты пастыря своего духовнаго уважилъ!..

— Видить Богъ..

— Не отвѣтствуй. Вижу я жестоковѣйность твою насквозь... Что ты мнѣ — Богъ! Я, братъ, Бога-то лучше тебя знаю... Десятый годъ воспѣваю хвалу Создателю... А гуся-то ты подай, знаешь, какъ Господь за него накажетъ... У отца своего духовнаго, ай-ай-ай...

— Може и не я... — попробовалъ было отговориться несчастный, но такимъ сомнительнымъ тономъ, что батюшка сразу перешелъ въ угрожающій тонъ.

— За татбу и на семь, и на томъ свѣтѣ отвѣтишь. На семь по закону предъ судомъ а на страшномъ судѣ предъ Христомъ. Ты думаешь — гусь! Онъ малая птица, а тоже вопіетъ ко Господу. Богъ правду, братъ, видитъ, да и становой разузнаетъ... А ты лучше вотъ что, почти санъ іерейскій, принеси гуся хоть своего, если священнослужительскаго пожралъ. Въ нощи покралъ, въ нощи и возврати... Ну, я на тебя эпитимію наложу... Пойми, хуже ты челоуѣкоубійцы Каина. Челоуѣкоубійца Каинъ совѣсть ощутилъ, а ты не раскаянъ...

— Позвольте, батюшка! — вмѣшался какой-то офицерикъ. — Почему вы Каина убійцею называете?

— Какъ почему?... Каинъ убійца по писанію!

— То есть, онъ убилъ брата своего Авеля, по онъ не убійца!

— Представьте ваши доводы!—уже нѣсколько уязвлено загорячился батюшка. — На каковомъ силлогизмѣ вы строите мнѣніе ваше о Каинѣ?

— Да, вѣдь, чтобъ быть убійцею, преступникомъ, нужно предумыслить убійство, знать, что дѣлаешь убійство и желать его сдѣлать. А вѣдь Каинъ былъ первымъ убійцею. До тѣхъ поръ онъ и не вѣдалъ даже, что люди умирать могутъ; поднимая руку на брата, подъ вліяніемъ хотя бы и злобы, онъ не ожидалъ послѣдствій своего поступка. Онъ даже не могъ соразмѣрить силу мускуловъ. Онъ просто изступленно ударилъ брата и убилъ его, не желая убить, не зная, что убиваетъ!

Батюшка остолебенѣлъ. Даже по горячей пароходной трубѣ забарабанилъ перстами.

— Совершенно новое воззрѣніе! — въ полномъ уже недоумѣніи замѣчаетъ онъ и отходитъ прочь, забывая о гусѣ.